

Культура. 2004. — Танцы на прибрежном песке

26 февр. — 3 марта. — с. 13

Фестиваль Владимира Мартынова

Эйнштейн, устав от исследований, играл на скрипке. Авторы философских трудов, чтобы отвлечься, писали детективные романы. А композиторы в этих случаях а время покидали привычную музыкальную территорию. Именно так и отнеслись к первому авторскому фестивалю композитора Владимира Мартынова, состоявшемуся три года назад в Культурном центре "Дом". Композитор-минималист, автор крупных сочинений на религиозные темы (два из них "Плач Иеремии" и "Апокалипсис" поставили Анатолий Васильев и Юрий Любимов, а третье — "Реквием" вошло в спектакль Васильева "Моцарт и Сальери") и религиозно-философских трудов, решил продемонстрировать результаты экспериментов со звуком и ритмом, чтобы привести еще одно доказательство собственной теории о "конце времени композиторов". Мартынов считает, что в наше время развитие музыкальной мысли достигло момента, когда уже невозможно создание принципиально новых композиторских идей или техник. Но когда вслед за первым фестивалем через год состоялся еще один и только что завершился третий, стало понятно, что дело обстоит значительно серьезнее. "Дом" стал для композитора своеобразной лабора-

торией, где можно использовать любые инструменты, сводить в одном концерте музыкантов и поэтов, которые при других обстоятельствах никогда не стали бы выступать вместе, расширять разными способами возможности музыки и создавать единое пространство, где музыка, художественные инсталляции и поэтические перформансы играют одинаково важные роли.

На этот раз в рамках авторского фестиваля Мартынова под названием "Postopus Posth" четыре вечера подряд звучали "пограничные" произведения, где музыка казалась просто канвой, на которой вышивали узоры представители самых разных искусств. Первым в посткомпозиторское пространство со своими импровизациями прорвался Дмитрий Пригов. Постепенно к поэту, яростно скандировавшему "но пасаран!", присоединились музыканты ансамбля Татьяны Гринденко "Opus Posth". А когда они, оторвавшись от ритмической читки, начинали играть, казалось, что музыка для струнного ансамбля, звучавшая в промежутках, повторяет не только ритм, но и тональность поэтической речи. Во второй вечер импровизации Пригова превратились в один из фрагментов сочинения Мартынова "Книга № 4". Этот опус сам по себе

напоминает любопытную музыкально-математическую головоломку. Идет отсчет времени: отстукивают ритм ударные, солист каждые несколько минут сообщает точное время, а параллельно читается фрагмент "Старухи" Хармса, рассказывающий о чудотворце. Теперь

границы этой необычной структуры расширились еще больше. Пригов, вклинившись в отсчет времени, читал с разными интонациями пушкинское "Мой дядя самых честных правил". Ему помогал Владимир Тарасов, отстукивавший на ударных инструментах традиционные тибет-

ские, китайские или ближневосточные ритмические формулы. В общем, обозначенная композитором временная сетка до предела заполнилась параллельными музыкальными и поэтическими событиями. Слушателей, с трудом освоивших структуру "Книги № 4", на следующий вечер ждала еще более усложненная "Книга № 6", спровоцировавшая настоящий авангардный перформанс. Сам Мартынов читал текст "О величии России", Андрей Дойников играл на фортепиано, а Николай Студник — специалист по шумовой музыке, приехавший из Санкт-Петербурга, — устроил в "Доме" звуковую бурю. Обработанные компьютером звуки металлических прутьев, листов железа и множества невообразимых приспособлений вызывали в памяти все прочитанное о выступлениях авангардистов в начале века. А произнесенные композитором фразы вроде "Черно-белая Тара с головой медведя в России больше, чем черно-белая Тара с головой медведя" или "Человек, имеющий только одно одеяло, в России больше, чем человек, имеющий только одно одеяло", усиливали это впечатление. Звуковая атака, продолжавшаяся три вечера, завершилась гармоничной кодой. На последнем фестивальном концерте

Мартынов играл на рояле мелодичные и нежные "Танцы на прибрежном песке". Исходным импульсом для этого сочинения послужила мелодия, написанная другом Мартынова, Юрием Чернушевичем, умершим в 1965 году. Решив окончательно отказаться от собственной индивидуальности, Мартынов говорил перед началом, что просто развивает чужую музыкальную мысль и помещает ее в новый контекст. А параллельно на огромном экране показывали инсталляцию художника Александра Петая: волны одна за другой накатывались на прибрежный песок.

"Сейчас невозможно написать произведение, равное симфониям Бетховена или операм Вагнера. Наступило время, когда гораздо важнее не письмо, а прочитанное к нему", — говорит Мартынов. Его лабораторные опыты, прозвучавшие в рамках фестиваля, больше всего напоминают заметки на полях. Но только время может расставить все по своим местам, доказав полезность или безнадёжность любого эксперимента. Бывает, что остроумная заметка на полях перечеркивает смысл того, что написано на странице.

Ольга РОМАНЦОВА
Фото Павла КОРБУТА

Играет В. Мартынов